Т. Хвостов

МЯУФОЛОГИЯ

Славянские боги и нечисть

6+

Т. Хвостов

Мяуфология. Славянские боги и нечисть

«Автор»
2026

Хвостов Т.

Мяуфология. Славянские боги и нечисть / Т. Хвостов — «Автор», 2026

Рыжий кот Каракуль прилёг на бабушкиной печке на пять минуточек и проснулся в Тридевятом царстве. Теперь надо искать дорогу домой. Как назло, у Кикиморы перепутались клубки, три головы Горыныча никак не договорятся, а у Перуна пропало целое стадо коров. Придётся пустить в ход всё, что умеет кот - от мурлыканья до переговоров с мышами.В двенадцати иллюстрированных главах Каракуль знакомится с героями русских сказок и славянских поверий. После каждой главы рубрика «Правда-правда» рассказывает, что о них говорили в сказках и что сохранилось в старинных записях.

© Хвостов Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Домовой: кто тут хозяин печки 6
Глава 2. Кикимора и война за клубки 10
Глава 3. Леший и короткая дорога 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Т. Хвостов
Мяуфология. Славянские боги и нечисть

Глава 1. Домовой: кто тут хозяин печки

Меня зовут Каракуль, и я кот. И ещё у меня золотая корона. Запомните, что я кот, потому что дальше в книге будут боги, ведьмы, змеи о трёх головах и даже один бессмертный дедушка. И все они почему-то будут считать себя главнее меня. Не верьте им.

Всё началось с бабушкиной печки.

Летом меня привезли в деревню. Вы когда-нибудь видели русскую печь? Это такой огромный белый дом внутри дома. Внутри у неё горит огонь, сверху на ней спят, а в глубине пекут пироги. Для кота это лучшее изобретение человечества после холодильника.

Я забрался на самый верх, туда, где тепло и пахнет хлебом, свернулся калачиком и закрыл глаза. «Пять минуточек», — сказал я себе. Все коты так говорят. Ни один кот ещё не проспал всего пять минуточек.

Проснулся я оттого, что кто-то тянул меня за хвост.

— Слезай, — сказал голос. — Моё место.

Я открыл один глаз. Потом второй, потому что одного на такое не хватило.

Рядом со мной на печке сидел дедушка. Маленький, ростом с валенок, весь заросший мягкой седой шерстью. Да-да, шерстью, как у меня, только длиннее. Борода до пояса, глаза хитрые, а ладони мохнатые, будто он с утра погладил сорок котов подряд.

— Вы кто? — спросил я вежливо. С незнакомцами на печке надо быть вежливым: вдруг они кусаются.

— Я Домовой, — сказал дедушка. — Хозяин этого дома. А ты кто такой?

— Я Каракуль. И тоже хозяин этого дома.

Домовой посмотрел на меня так, как бабушка смотрит на человека, который сказал, что не голоден.

— Хозяин, — повторил он. — Хорошо. Скажи-ка, хозяин, кто ночью следит, чтобы в печке не погас огонь?

Я подумал.

— Огонь сам следит.

— А кто стучит по лавке, если в дом лезет чужой?

— Это, наверное, ветер.

— А кто заплетает лошадям гривы в косички, если лошадь хорошая и ему нравится?

— Слушайте, у меня нет лошади. У меня есть миска.

Домовой вздохнул и достал из-за трубы крошечную кружку.

— Ладно, хозяин миски. Молока хочешь?

Тут я понял, что мы подружимся.

* * *

Оказалось, что проснулся я не в нашей избе. То есть изба была похожа: та же печь, тот же стол, те же половики. Но за окном вместо бабушкиного огорода шумел тёмный лес, а над лесом летела… Я тогда решил, что это большая ворона. Позже выяснилось, что это была ступа. Но про неё в пятой главе.

— Где я? — спросил я.

— В Тридевятом царстве, — ответил Домовой, наливая молоко. — Ты на печке уснул?

— На пять минуточек.

— Все так говорят, — кивнул он. — Печка у нас старая, волшебная. Кто на ней крепко уснёт, тот проснётся там, где живут сказки. А обратно дорогу найти непросто. Придётся тебе со всеми нашими познакомиться.

— С кем это «со всеми»?

Домовой стал загибать мохнатые пальцы:

— Кикимора на болоте, Леший в лесу, Водяной в омуте, Баба-яга в избушке, Кот Баюн на столбе…

— Кот? — насторожился я. — Ещё один кот?

— Говорящий. Сказки рассказывает.

— Я тоже говорящий, — обиделся я. — И сказки тоже могу.

— Вот и посмотрим, — хмыкнул Домовой. — А ещё Змей Горыныч, Кощей Бессмертный и боги: Перун, Велес, Мокошь… Кто-нибудь из них да знает дорогу домой.

Я посмотрел на свою лапу. Пальцев на ней было меньше, чем имён в этом списке.

— А можно я просто ещё посплю, и всё само пройдёт?

— Нельзя, — твёрдо сказал Домовой. — Но перед дорогой я тебе кое-что расскажу. Ты хоть знаешь, кто я такой?

* * *

И он рассказал. Перескажу коротко, потому что Домовой рассказывал долго, с отступлениями, и два раза уходил проверить заслонку.

У каждого дома есть свой домовой. Он живёт за печкой или под порогом, и его почти никто никогда не видит. Если люди в доме добрые и не ругаются, домовой им помогает: бережёт скотину, не даёт пропасть хозяйству, сторожит по ночам. А если ругаются и ленятся, он сердится. Начинает прятать вещи, греметь посудой и топать по чердаку.

— Так это вы прячете носки? — догадался я.

— Иногда, — скромно сказал Домовой. — Но чаще всё-таки кот.

Я сделал вид, что не услышал.

Домовой рассказал, что его надо уважать. Ставить на ночь блюдечко с молоком или кусочек хлеба. Не свистеть в доме. А когда семья переезжает в новую избу, домового обязательно зовут с собой. Хозяйка открывает дверь и говорит: «Домовой, домовой, пойдём с нами в новый дом!» Иногда ему даже подставляют старый лапоть, чтобы ехать было удобнее.

— А если не позвать?

— Тогда останусь в старом доме и буду скучать, — сказал Домовой. — А в новом будет пусто и неуютно. Знаешь, бывает такой дом: вроде всё есть, а жить не хочется.

Я знал. Это когда миска есть, а корма нет.

— Но самое главное я тебе ещё не сказал, — Домовой понизил голос. — Знаешь, кого люди первым пускают в новую избу? Раньше самого хозяина?

— Кого?

— Кошку.

Я сел ровнее.

— Кошку пускают через порог первой, — продолжал Домовой. — Люди верят: если кошка первой переступит порог, в доме будет уютно. И мне сразу понятно: семья хорошая, раз кошку уважает.

Я сидел и молчал. Мне было очень приятно, и я не знал, куда девать это чувство. Поэтому на всякий случай умылся.

— Получается, — сказал я наконец, — мы с вами коллеги?

— Получается, — согласился Домовой. — Ты ловишь мышей, я гоняю нечисть. Ты греешь хозяйские колени, я берегу хозяйский дом. Только печку делить не будем. Печка моя.

— Половина печки, — сказал я.

— Треть.

— Половина. Я пушистый, мне нужно место.

Домовой подумал и махнул рукой:

— Ладно, половина. Но правая.

Правая половина была ближе к трубе. Я до сих пор не знаю, кто выиграл в этом споре.

* * *

Утром Домовой проводил меня до порога. Дальше ему было нельзя: домовые не выходят из своего дома, работа у них такая.

— Иди по тропинке к болоту, — сказал он. — Только осторожно. На болоте живёт Кикимора. Она путает пряжу и всё валит на котов.

— Почему на котов?

— Потому что обычно это и правда коты, — сказал Домовой и подмигнул. — Ступай.

И я пошёл. Первый раз в жизни я уходил из тёплого дома добровольно. Странное было ощущение. Как будто сам отдаёшь кому-то свою миску.

Кошачья мораль. Если кто-то сидит на твоём любимом месте, не спеши его прогонять. Может, это хозяин дома, и у него есть молоко.

Правда-правда. При переезде в новую избу по обычаю могли первой пустить кошку. А домового приглашали переехать вместе с семьёй. В некоторых местах для него готовили старый лапоть.

Глава 2. Кикимора и война за клубки

Болото я услышал раньше, чем увидел. Оно чавкало, булькало и квакало так, будто там собрались сто лягушек и все одновременно ели суп.

На краю болота стояла кривая избушка, а у её крыльца на лавке лежала гора клубков. Синие, красные, серые, пушистые. Вы понимаете, да? Гора. Клубков. Без присмотра.

Я очень старался пройти мимо. Я даже отвернулся. Но один красный клубок скатился с лавки сам, честное кошачье, и покатился прямо ко мне. А когда клубок катится к коту, кот не виноват. Это закон природы.

Через минуту я был замотан в красную нитку от ушей до хвоста. И именно в этот момент дверь избушки распахнулась.

— Ага! — сказал тонкий голосок. — Попался, воришка!

На пороге стояла Кикимора. Она была такая тоненькая, что могла бы спрятаться за веником. Голова с напёрсток, ручки как веточки, на голове косынка из тины. И все десять её пальцев тоже были замотаны в нитки.

— Я не воришка, — сказал я с достоинством, насколько это возможно, когда ты похож на колбасу в сетке. — Клубок сам прикатился.

— Все так говорят! — запищала Кикимора. — Каждую ночь кто-то путает мою пряжу! Каждую ночь! Я её днём распутываю, а утром она опять как воронье гнездо!

— Это не я. Я тут первый день.

— А кто тогда?

Я огляделся. Вокруг были лягушки, камыши и одна цапля, которая стояла на одной ноге и делала вид, что её тут нет.

— Давайте поймаем вора, — предложил я. — Сядем в засаду. Коты лучшие в мире засадники. Мы можем сидеть в засаде часами. Иногда даже не зная, кого ждём.

Кикимора подумала и кивнула. Но нитку с меня снимать не стала. «На всякий случай», — сказала она.

* * *

Засаду мы устроили за печкой. Кикимора залезла на полку, а я, замотанный, лёг в корзину с очёсками и стал похож на ещё один клубок. Очень удобно, кстати. Если вам когда-нибудь понадобится спрятать кота, кладите его к клубкам.

Мы ждали долго. Сверчок за печкой пропел все свои песни и начал по второму кругу. Луна заглянула в окошко. Где-то на болоте вздохнула выпь, звук такой, будто кто-то дует в пустую бутылку.

И ровно в полночь Кикимора слезла с полки.

Глаза у неё были закрыты. Она прошла через избу, села за прялку, взяла веретено и запела тонким голоском:

— Тяни-тяни, вейся-вейся, путайся-путайся…

И начала прясть. Да так, что нитка вилась кругами, петлями и восьмёрками, завязывалась узелками и бантиками, переползала с клубка на клубок. Через пять минут на лавке выросло воронье гнездо. Кикимора довольно вздохнула, вернулась на полку и захрапела.

Я сидел в корзине и боялся мяукнуть.

Утром Кикимора проснулась, посмотрела на лавку и всплеснула руками:

— Опять! Ты видел? Ты видел вора?

— Видел, — осторожно сказал я.

— Какой он?

— Маленький. Тоненький. Голова с напёрсток. Косынка из тины.

Мы долго смотрели друг на друга. Лягушки на болоте тоже замолчали, им было интересно.

— Это что же получается? — медленно сказала Кикимора. — Это я сама?

— Сама, — кивнул я. Кивать было трудно, нитка мешала.

* * *

Распутывали меня до обеда. Пока Кикимора раскручивала нитку, она рассказала мне про себя.

Кикиморы бывают болотные и домашние. Домашняя поселяется за печкой или на чердаке и по ночам проказничает: стучит, шуршит, щиплет кур и путает хозяйкину пряжу. А болотная живёт на болоте и проказничает там.

— Я раньше домашней была, — вздохнула Кикимора. — А потом хозяйка повесила в курятнике куриного бога, и пришлось мне уйти.

— Куриного бога? — переспросил я. — У кур есть бог?

— Это камешек с дыркой, — поморщилась Кикимора. — Вода сама проточила в нём дырку. Терпеть его не могу. Увижу и сразу ухожу.

Я подумал, что у меня тоже есть такой предмет: пылесос. Увижу и сразу ухожу. Так что я её понимал.

— А я ведь не нарочно путаю, — сказала Кикимора и шмыгнула носом. — Я ночью сама не своя. Руки так и тянутся к прялке. А прясть ровно не умею. Никто меня не научил.

— А хотите, я вам помогу? — предложил я. — Я в клубках разбираюсь лучше всех на свете.

Вообще-то я разбирался в клубках только в одном смысле: знал, как их раскатать. Но тут меня осенило. Если раскатать клубок по прямой, нитка ложится ровно. А если катать кругами, как я обычно делаю, получается каша.

И мы придумали новую игру. Я катил клубок по тропинке от избушки до старой берёзы, а Кикимора бежала сзади и наматывала ровную нитку на веретено. Туда и обратно, туда и обратно. К закату у неё было десять идеальных мотков, а у меня лучшая прогулка в жизни.

— А ночью? — спросила она. — Ночью я опять всё запутаю.

— А ночью, — сказал я, — положите у прялки ровную берёзовую веточку. Нащупаете её и вспомните, как мы катили клубок по прямой.

Не знаю, сработало бы это с человеком. Но с Кикиморой сработало. Наутро на лавке лежал новый моток, ровный, как струна.

— Впервые за сто лет ничего не запутала, — сказала Кикимора и вытерла глаза косынкой. — Спасибо, кот. Слушай, а ты куда идёшь-то?

— Домой, — сказал я. — Только не знаю дороги.

— Дороги по лесу знает Леший, — сказала Кикимора. — Только он их никому просто так не отдаёт. Вот, возьми.

И она дала мне маленький красный клубочек. Тот самый, с которого всё началось.

Кошачья мораль. Прежде чем искать, кто всё запутал, посмотри на свои лапы.

Правда-правда. В народных поверьях домашняя кикимора шумела по ночам, возилась с пряжей и беспокоила кур. Чтобы уберечь птиц, в курятнике могли повесить камень с дырочкой. Такой камень называли куриным богом.

Глава 3. Леший и короткая дорога

В лес я вошёл утром, бодрый и уверенный. Клубочек Кикиморы лежал у меня за ухом, как карандаш у столяра. Свободный конец нитки я зацепил за корону, чтобы не потерять.

Через час я вышел к большому пню, похожему на табуретку. Через два часа опять вышел к нему. Через три часа я уже сидел на этом пне и делал вид, что так и задумано.

Я не заблудился. Хочу сразу это прояснить. Коты не заблуждаются. Коты гуляют по интересному маршруту.

И тут из кустов донеслось:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.